

ЕГОР ПОПОВ

ВТОРОЙ
СИЛУЭТ

18+

Егор Попов

Второй Силуэт

<https://litres.ru/74101178>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дарья — будущий психолог, староста курса и девушка, которую любят все. Днем она улыбается и решает чужие проблемы, а по ночам прячется от леденящего одиночества в тесной подсобке университетского копицентра. Её идеальные отношения на расстоянии давно превратились в фарс, и она отчаянно ищет того, кто будет просто рядом.

Но каждый раз, когда кто-то из парней пытается приблизиться к ней, происходит несчастный случай.

Один упал в вентиляционную шахту. Другой найден мертвым в подвале. Третий задохнулся в архиве.

Кто-то превратил старинный кампус в свои личные охотничьи угодья.

Единственный человек, которому Дарья может довериться — Игорь. Студент, прячущий свою разбитую душу за маской вечного шутника. Вместе они бросают вызов коррумпированной системе университета, чтобы найти маньяка. Дарья составляет его идеальный профиль, шаг за шагом загоняя хищника в угол.

Она еще не знает, что тот, на кого она так отчаянно открыла охоту, всегда находится на шаг впереди. Прямо за её спиной.

Содержание

Глава 1: Второй силуэт	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Егор Попов

Второй Силуэт

Глава 1: Второй силуэт

Если бы у тотального, выжигающего изнутри одиночества был свой осязаемый запах, оно бы непременно пахло как цокольный этаж старого университетского корпуса в сырой ноябрьский вечер. Это была удушливая, тяжелая смесь из ароматов перегретого озона, дешевого растворимого кофе «три в одном», влажной штукатурки вечно подтекающих подвальных труб и горячей пересушенной бумаги. Студенты между собой называли этот тесный стеклянный аквариум, зажатый между архивом и левым крылом библиотеки, просто и без прикрас — «Чистилище». Дарья стояла, намертво прижавшись лбом к прохладному, слегка вибрирующему от уличного гула стеклу. По ту сторону окна, в наползающих на город тяжелых мазутных сумерках, огромный кампус старинного университета медленно тонул в бесконечной октябрьской мороси. По грязному стеклу ползли ленивые, ломаные капли, дробя свет редких фонарей на мелкие, болезненные осколки. Голова раскалывалась уже третий час подряд, давя на надбровные дуги тупой, пульсирующей изнутри болью. — Дашка, ты просто мой личный ангел-хранитель, серьезна! —

дверь «Чистилища» с резким стуком распахнулась, и в комнату ввалилась первокурсница Лена с раскрасневшимися от бега щеками и растрепанной челкой. — Если бы ты не скинула мне вчера свои прошлогодние конспекты по клинической психологии и структуру этих дурацких тестов, Ковалев бы меня точно сожрал вместе со шпорами и не поморщился. С меня огромный латте, честное слово! Дарья выпрямилась мгновенно, словно внутри неё сработал невидимый, годами тренированный пружинный механизм. На её лице, как по щелчку невидимого тумблера, расцвела та самая фирменная, мягкая и обезоруживающе теплая улыбка, за которую её, казалось, обожал буквально весь факультет. Староста курса, отличница, неизменная активистка, организатор всех студенческих вечеринок и душа любой компании. Пышная копна ярких, огненно-рыжих волос, небрежно собранная на затылке тяжелым крабом, завершала этот образ идеальной, уверенной в себе девушки, которая точно знает, чего хочет от этой жизни. — Не забивай себе голову, Ленка, — голос Дарьи звучал ровно, мягко, с идеальной терапевтической хрипотцой, которая так располагала к ней людей. Она протянула девушке свежепрошитую, аккуратную стопку листов, пахнущих свежей краской. — Просто в следующий раз постарайся читать основы психоанализа до того, как начнется семинар, а не в очереди за шаурмой у метро. Беги давай, пока Ковалев не закрыл ведомость. Удачи. — Спасибо, Даш! Ты лучшая! — первокурсница схватила распечатки и упорхнула.

ла, звонко цокая каблуками по старому, выдавшему виды кафелю коридора. Дарья подождала, пока шаги полностью затихнут в лабиринте переходов, после чего медленно закрыла тяжелую дверь «Чистилища», повернула ключ в замке до упора и обессиленно прислонилась спиной к деревянному косяку. Напряжение, державшее её тело весь день, сошло, оставив после себя лишь глухую, серую пустоту и свинцовую тяжесть в мышцах. Улыбка сползла с лица, обнажая глубокие тени под глазами и плотно сжатые, бледные губы. Она медленно опустилась прямо на холодный линолеум, обхватив колени руками и уставившись в одну точку на полу. В кармане поношенных черных джинсов зажужжал телефон. Дарья вздрогнула, вытащила пластиковый корпус и посмотрела на экран. На дисплее высветилось красивое, ухоженное лицо Ильи. Он звонил в режиме видеосвязи, и на заднем плане у него угадывалась залитая мягким вечерним солнцем столичная набережная — чистая, современная, бесконечно далекая от этого сырого подвала. Её парень, который уехал в другой город на стажировку мечты три месяца назад. Телефон продолжал настойчиво жужжать в ладони, вибрируя прямо по воспаленным суставам. Дарья смотрела на экран, чувствуя, как внутри нарастает липкая, тяжелая волна глухого раздражения. Она не сбросила вызов, нет. Она просто сидела и смотрела на его улыбку до тех пор, пока экран не погас, вернув коморке относительную темноту. Илья был хорошим. Честным, перспективным, правильным. Они были

идеальной парой по мнению всех окружающих. Но сейчас, глядя на этот экран, Дарья с пугающей четкостью понимала: их отношения превратились в затянувшийся сериал на экране смартфона. Ей не нужны были его бодрые голосовые сообщения о том, какой потрясающий раф он выпил на завтрак и какую презентацию защитил перед советом директоров. Ей нужно было, чтобы кто-то сидел рядом с ней на этом грязном линолеуме. Чтобы кто-то держал её за руку физически, здесь и сейчас, забирая хотя бы малую часть этого изматывающего бытового ада. Она отчаянно пыталась найти «своего человека» в этой бесконечной толпе студентов, преподавателей и знакомых, но каждый раз упиралась в невидимую стену. Дарья со стоном потеряла виски, пытаясь унять пульсацию в голове. Внезапно её взгляд упал на собственную правую руку. На костяшках пальцев красовались свежие, налившиеся багровой кровью ссадины. Кожа была содрана, словно Дарья несколько минут методично и яростно била кулаком в глухую кирпичную стену. Она замерла, тупо разглядывая повреждения. Откуда это? В памяти всплыл смутный, размытый обрывок: вчерашний вечер, около одиннадцати ночи, она закрывает копицентр и всё. Дальше шла глухая, черная пустота длиной почти в четыре часа, вплоть до того момента, как она проснулась в своей кровати в общежитии в три утра от собственного крика. «Наверное, снова задела железный край лотка подачи, когда заправляла бумагу», — мысленно успокоила себя Дарья, хотя глубоко внутри, на самой

периферии её профессионального психологического мышления, зашевелился холодный, склизкий страх. У «Зверя» — огромного, промышленного ксерокса, занимавшего половину комнаты, — не было и никогда не могло быть таких углов. Эти ссадины имели совершенно иную природу. В дверь коморки постучали. Это был их личный, старый код, который они придумали еще на первом курсе: три коротких, сухих удара и один длинный, смазанный. Дарья не успела даже подняться с пола, как старая деревянная дверь, чей замок всегда держался на честном слове и чересчур мягком язычке, с тихим скрипом поддалась. На пороге «Чистилища» возник Игорь. — Почтеннейшая публика, снимите шляпы, ибо я принес вам благовую весть! — его голос ворвался в унылое пространство копицентра, словно взрыв петарды в пустом склепе. Игорь широко раскинул руки, едва не задев плечом стопку готовых курсовых на стеллаже. — В автомате на переходе между корпусами наконец-то сдохли те пластиковые батончики со вкусом прессованного картона и отчаяния. Теперь туда завезли нечто, напоминающее нормальный шоколад. Ну, или подкрашенный сахар, что в условиях нашей сессии приравнивается к божественному нектару. Игорь был ходячим парадоксом, штормом, который никогда не утихал. Растрепанные темные волосы, вечно расстегнутая старая кожаная куртка, из-под которой виднелась мятая футболка с логотипом какой-то рок-группы, и фирменная, широкая полуулыбка, которая казалась приклеенной к его лицу

намертво. Он учился на мехмате, знал поименно абсолютно каждого охранника, уборщицу и проректора в этом вузе, шутил без остановки и считался главным весельчаком общежития. Но Дарья, учившаяся на третьем курсе факультета психологии, умела смотреть сквозь этот блестящий, шумный фасад. — Игорь, замок вообще-то был заперт изнутри, — негромко сказала она, тяжело поднимаясь на ноги и отряхивая коленки от невидимой пыли. — Ой, умоляю тебя, Даш, этот замок можно открыть даже силой моего безграничного интеллекта и легким щелчком пальцев, — он небрежно отмахнулся, проходя вглубь комнаты и буквально вваливаясь на единственный свободный стул на колесиках. Игорь крутанулся на стуле, смеясь над какой-то своей очередной шуткой, но стоило двери за его спиной захлопнуться, отрезая их от длинного коридора, как его смех мгновенно оборвался. Словно кто-то безжалостно выдернул шнур питания из розетки мощного проектора. Натянутая улыбка сползла с его лица, углы губ опустились, и в ту же секунду Игорь показался Дарье пугающе старым и бесконечно уставшим. В его глазах, лишенных привычного наносного блеска, отразилась такая глухая, ледяная, непроницаемая пустота, от которой у неё невольно перехватило дыхание. Дарья знала его историю. Знала, что год назад Игорь пережил чудовищный, грязный разрыв с девушкой, ради которой он был готов бросить всё. Та история не просто ранила его — она выжгла его до самого основания, оставив на месте живого человека лишь пе-

пелище. Игорь мастерски имитировал эмоции перед толпой, он умел казаться счастливым, громким и живым, но внутри него не было абсолютно ничего. Он искренне признавался Дарье, что больше физически не способен никого любить, не чувствует привязанности и смотрит на мир, как на скучное черно-белое кино. Но парадокс заключался в том, что именно эта эмоциональная смерть делала его единственным человеком, который понимал Дарью без лишних слов. Ему не нужно было лгать. Ему не нужно было демонстрировать фасад.— Ты снова не спала, Даша, — тихо, совершенно другим — глубоким, спокойным и очень человеческим голосом произнес Игорь. В его тоне больше не осталось ни единой нотки той шутовской клоунады, которую он разыгрывал секунду назад.— Я спала, Игорь. Честно. Часа три, наверное, — Дарья отвернулась к ксероксу, делая вид, что очень занята выравниванием стопки чистой бумаги. — Просто Илья снова звонил. По видео. А я я просто физически не могу больше натягивать эту маску идеальной, счастливой невесты, которая ждет его в своей глуши. Я устала. Я отчаянно хочу, чтобы здесь, в этой реальности, кто-то просто был со мной. Но вокруг только лица, лица, лица и все они пустые. Игорь молчал. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и внимательно смотрел на её тонкую спину, на яркие рыжие волосы, которые в тусклом свете люминесцентной лампы казались багровыми, словно запекающаяся кровь. Внутри его собственного выжженного пространства что-то глухо, едва ощутимо заны-

ло. Ему мучительно, до дрожи в пальцах хотелось подняться, подойти к ней со спины, положить руки на её хрупкие плечи и сказать, что он никуда не уйдет. Что он здесь, рядом, в этом дурацком подвале. Но он помнил о своей пустоте. Он панически боялся, что если подпустит её ближе, то просто заразит своим внутренним холодом, сломает её окончательно. Он не умел любить. И это было его главным проклятием. Игорь шумно вздохнул и привычным, отточенным движением снова натянул на лицо легкую, ироничную ухмылку. Защитный барьер снова встал на свое место.— Ладно тебе, Дашка, прекращай этот сеанс экзистенциального психоанализа, — он хмыкнул, поднимаясь со своего места и мягко, но настойчиво отбирая у неё из рук пачку бумаги. — Твоя смена закончилась еще пятнадцать минут назад. Пошли отсюда, пока нас здесь не заперли суровые университетские духи. Нам нужно влить в тебя порцию углеводов, иначе ты начнешь бросаться на людей прямо на лекциях. А ты староста, тебе по статусу положено быть образцом гуманизма. Дарья благодарно, хоть и слабо улыбнулась ему в ответ. С Игорем действительно было легче. Он не лез в душу с дежурными соболезнованиями и глупыми советами «просто отдохнуть». Он видел её настоящую изнанку, но бережно хранил её границы, позволяя ей оставаться собой. Она потянулась рукой к тяжелому черному тумблеру, намереваясь полностью обесточить «Зверя» на ночь. Но не успели её пальцы коснуться пластика, как огромный принтер внутри себя тяжело, натуж-

но загудел. В тишине коморки резко и как-то зловеще замигал зеленый светодиод лазерного сканера. Внутренние валки машины заскрипели, приходя в движение, и в пластиковый выходной лоток с тихим, протяжным шипением выкатился одинокий, горячий лист бумаги. Дарья нахмурилась, отдернув руку. — Ты что-то отправлял со своего ноутбука? — спросила она, оборачиваясь к Игорю. — Исключено. Мой ноут полностью отключен от местной локалки еще час назад, ты же знаешь, я не доверяю этим дырявым университетским серверам, — Игорь с искренним любопытством вытянул шею, мгновенно теряя свой беззаботный вид. Дарья сделала шаг вперед и осторожно, кончиками пальцев взяла еще хранящий тепло печки лист бумаги. Это была не лекция, не курсовая и даже не технический отчет. Это была распечатка с камеры видеонаблюдения. Судя по ракурсу и зернистому, контрастному черно-белому изображению — кадр был сделан камерой, установленной под самым потолком в заброшенном, полуподвальном переходе старого корпуса. На самом снимке не было ни единого человека — лишь бесконечный, пустой, уходящий в темноту коридор со старыми дубовыми дверями кафедры анатомии и тяжелая железная вентиляционная решетка в стене. Но прямо поверх этого печатного изображения, чьей-то уверенной, твердой рукой — настоящим, физическим маркером, а не цифровой кистью — был нарисован жирный, неровный крест. Он аккуратно перечеркивал ту самую вентиляционную решетку. В самом ниж-

нем углу кадра замерли цифры системного времени и даты. Вчерашняя ночь. Примерно то самое время, которое полностью выпало из памяти Дарьи. Дарья почувствовала, как по спине пробежал резкий, покалывающий холодок, а в горле мгновенно пересохло. Она непроизвольно сжала кулак, и потревоженные, содранные костяшки пальцев отозвались резкой, вспыхнувшей болью. Но страшнее всего было другое. Когда она поднесла лист ближе к лицу, сквозь едкий, химический запах свежего тонера явственно пробился другой аромат. Это был дорогой, терпкий, слегка горьковатый мужской парфюм с выраженными нотами кожи и сухого табака. Парфюм, который Дарья совершенно точно где-то уже чувствовала совсем недавно. Настолько недавно, что её подсознание буквально закричало об опасности, хотя сама она так и не смогла вспомнить, кому именно принадлежал этот запах. На пороге «Чистилища» длинные тени от окон кампуса медленно сгущались, превращаясь в один сплошной, неподвижный силуэт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.